

Таким образом, рассмотренные формальные варианты маркированных конструкций в итальянском языке зависят от различных коммуникативных, смысловых и социолингвистических переменных, (тема – рема, наличие у собеседников общих сведений о предмете общения, разговорное/формальное общение, письменный / устный варианты языка, языковая норма / региональная разновидность и др.), которые актуализируются в высказывании в той или иной ситуации общения.

А. П. Мерчи (ГрГУ им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В РАССКАЗАХ А. ЦЫПКИНА С ПОВЕСТВОВАНИЕМ ОТ 1-го ЛИЦА

1. Изображение и авторская интерпретация межличностного общения в рассказах. Оппозиция «изображение vs. интерпретация» реализуется при представлении коммуникации героев в том, насколько полно передана речь героев. В художественных произведениях межличностное общение, т. е. общение двух и более персонажей, может передаваться как с помощью диалогов героев, представляющих собой обмен репликами в форме прямой речи, так и в форме свернутой речи.

1.1. Прямая речь: обмен репликами в диалогах или полилогах. Наиболее ярким примером «изображения» общения является прямая речь героев, которая ближе к «реальному» воплощению высказывания. Такая речь оставляет впечатление подлинности и точности передачи слов героев.

1.2. Свернутое авторское изложение речи героев. Косвенная речь в нормативно-грамматическом смысле – это трансформированная прямая речь с сохраненной лексикой виртуальной речи героев. Передача общения героев «от автора» является именно свернутой речью, но не косвенной речью в учебно-грамматическом смысле. Свернутая (сжатая, пересказанная) речь модифицирует по усмотрению нарратора предполагаемое общение героев (автор может сжать, резюмировать разговор или речь героев, сказать только главное и важное), и поэтому является интерпретирующим представлением коммуникации (здесь и далее материалом для анализа послужили два рассказа известного петербургского сетевого публициста, писателя и PR-специалиста А. Цыпкина – «Томатный сок» и «Свадебное насилие»).

Свернутая речь может быть в крайней степени сжата: *Катя вернулась из ванной комнаты, мы выпили крепко заваренного чая, поговорили о чем-то и ушли* (Томатный сок); либо отчасти передавать содержание речи героев: *Оскорбленная поступком мужа жена ростовского танцора сказала, что тоже будет ловить венки* («Свадебное насилие»). В представленных выше примерах указывается на сам факт коммуникации с помощью неиллокутивных глаголов. Однако в свернутом представлении речи героев могут быть «реконструированы» автором иллокутивные силы высказывания, например, *С ключами в кармане и похотью в голове я пригласил девушку якобы в кино* («Томатный сок»).

Отдельные фрагменты свернутой речи в ткани текста выделяются с учетом следующих компонентов: 1) указание на адресанта (адресата), 2) глагол речи (или именные конструкции, указывающие на речевые намерения героев или характер их речи), 3) указание на тему или содержание речи. Заметим, что во фрагментах передаются не только отдельные речевые акты, но и сложные речевые действия: споры, ссоры, обсуждения, уговоры и др.

2. Насыщенность рассказов от 1-го лица прямой речью и фрагментами свернутой речи в аспекте изображения и интерпретации общения. Художественный смысл различий. Степень присутствия нарратора в рассказах от 1-го лица различна. Рассказчик, т. е. конкретное лицо, которое находится в изображаемом мире, является одновременно и объектом, и субъектом повествования, что ограничивает его знания о происходящих событиях. Для двух исследованных рассказов было вычислено процентное соотношение коммуникации, в том числе прямой речи, к общему объему произведения (в печатных листах) и удельный вес прямой речи в общем объеме коммуникативного компонента. Полученные данные позволяют судить о соотношении коммуникации и наррации (в совокупности 100 % текста), и прямой и свернутой речи (составляют в целом представление о коммуникации). Ниже в таблице приведены количественные данные.

Удельный вес значимых дифференциальных признаков
в языковой ткани рассмотренных рассказов от 1-го лица

Название компонента	Показатель удельного компонента в структуре текста рассказа, %	
	«Томатный сок»	«Свадебное насилие»
Прямая речь во всем текстовом объеме произведений	17,7	14,4
Коммуникативный компонент	18,9	27,1
Прямая речь в составе коммуникативного компонента	93,6	53

В связи с разной степенью присутствия перволичного повествователя отчасти прослеживаются различия в удельном весе прямой речи. В тексте «Томатный сок», где рассказчик является непосредственным участником событий, одним из главных героев, объем прямой речи как во всем тексте, так и в составе коммуникативного компонента, выше (17,7 % и 93,6 % соответственно), чем во втором рассказе, в котором повествователь – очевидец «свадебного переполоха». В рассказе «Томатный сок» нарратор более внимателен к передаче той коммуникации, в которой он сам участвует и которая доступна для его наблюдения. В то же время в тексте «Свадебное насилие» рассказчик становится как бы «ретранслятором» событий, пересказанных с чужих слов. Свернутая речь занимает в этом рассказе 47 % коммуникации, что обусловлено ролью рассказчика в качестве «вторичного» нарратора.

В рассмотренных рассказах наррация занимает в целом больший объем по сравнению с совокупным объемом коммуникации (прямая и свернутая речь): средний объем наррации (77 %) превышает объем коммуникации (23 %). В исследованном материале различия между рассказами в удельном весе прямой речи в общем объеме коммуникации статистически значимы: показано, что для рассмотренных рассказов характерно более наглядное (изобразительное) представление общения. Названная тенденция проявляется в высоком удельном весе прямой речи как во всем объеме рассказов, так и в составе коммуникативного компонента.

Н. Б. Мечковская (БГУ, Минск, Беларусь)

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИИ НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЯДА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Античные категории «стиль» и «узус» существенно отличаются от понятий «функциональный стиль» и «нормы языка» современной лингвистики. В «Риторике» Аристотеля (355 г. до н. э.) «стиль» (*lexis*) понимался эмфатический компонент речи, который для разных искусств («подражаний») и занятий, в том числе словесных произведений, характерен в разной степени. На этом основании Аристотель выстраивает градацию видов творчества в зависимости от степени их эмфатической нагруженности. В римской традиции понятие стиля стало обозначаться уже тем же греческим словом, что и сейчас – *stylos*, но понимание стиля оставалось близким к аристотелевскому. Три стиля, впервые выделенные в анонимной римской «Риторике к Гереннию» (I в. до н. э.) и ставшие на 18 столетий риторическим каноном, различались по степени насыщенности тропами и фигурами. Во Франции для концепции трех стилей было найдено психологическое обоснование (в «Рассуждении о красноречии» (1679) писателя и теоретика классицизма Франсуа Фенелона); у Ломоносова в «Предисловии о пользе книг церковных в Российском языке» (1758) триада стилей переосмыслена как три класса литературных жанров, каждый со своей пропорцией церковнославянской и русской лексики. До конца классицизма понятие «стиль» оставалось категорией риторики и литературы, а также истории изобразительного искусства, поведения и моды. Но и в XIX в. понятие «стиль» относится более к теориям изящной словесности и красноречия, чем к языку. Еще у Ш. Балли (1909) стилистика определяется как наука об «эмоциональной окраске экспрессивных фактов речи», а не о стилях языка.

Современное понятие «функциональный стиль» относится не к индивидуальным особенностям речи, но к вариантам языка: это типичные виды речи, которые различаются по сферам своего применения: канцелярско-деловой стиль, научный, научно-популярный, язык СМИ, разговорная речь. Функциональные стили образуют в совокупности «нормативно-стилистическую систему языка»; за ее пределами находятся «нелитературные» (субстандартные) идиомы (диалекты, сленги, арго, просторечие).